

Переславская Краеведческая Инициатива
Тип документа: статья. — Тема документа: люди. — Код: 674.

Последний бой Гая

Впервые услышал я эту историю лет сорок назад, будучи молодым сотрудником Ярославской областной газеты «Северный рабочий». Услышал от ветерана редакции А. М. Зайцева. Было это ещё до XX съезда партии. Имена настоящих героев гражданской войны Тухачевского, Уборевича, Егорова, Блюхера были опутаны паутиной лжи, находились под запретом.

Гая Дмитриевич Гай тоже пал жертвой злой клеветы. Настоящее его имя Гайк Дмитриевич Бжишкянц. Гайки — армяне. «Я их сын — Гая». Родился будущий герой в семье учителя в городе Тавризе. Любопытно, что Гай и Чапаев родились в 1887 году, и номера их дивизий соседствовали: у Гая — 24-я, у Чапаева — 25-я. Да и характеры у обоих схожие.

Гай из разорённых отрядов и дружин создал Железную дивизию, став её командиром.

Волга! Помнишь, дорогая,
Как полки героя Гая,
Банды белых настигая,
Их смели, как пыль!

Безымянный дивизионный летописец так сформулировал биографию дивизии: фамилия — Железная, национальность — интернациональная, год и месяц рождения — 27 июля 1918 года, происхождение — из рабочих и крестьян. Образование — университет гражданской войны, награды — 10 почётных Красных знамён за участие в освобождении Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и более 100 городов от врагов Советской власти. Верность всех сведений о дивизии могут подтвердить рабочий класс Самары, Симбирска, Оренбурга и царские генералы Дутов, Деникин, а также адмирал Колчак.

Громя белочешские полки, части генерала Галкина, полковников Степанова и Каппеля, дивизия Гая 12 сентября 1918 года заняла Симбирск. В этот день на имя Ленина была отправлена телеграмма, текст которой широко известен: «Дорогой Ильич, взятие вашего родного города — Симбирска — это ответ на вашу рану, а за вторую — будет Самара». Подпись же под телеграммой — Гай, долго замалчивалась.

...Так называемое дело Гая составляет восемь томов. Летом 1935 года Гай с женой Наталией Яковлевной Клоковой, бывшей пионервожатой одной из московских школ, приехали в Минск. Было получено приглашение участвовать в праздновании 15-й годовщины освобождения Белоруссии от белополяков. Разместили их на загородной даче Совнаркома. В честь гостей был устроен митинг. Когда торжественная встреча закончилась, супруги остались на даче. Наталия Яковлевна пошла спать, а Гай сел за письменный стол готовить статью в праздничный номер минской газеты «Звезда».

Наталия Яковлевна рассказывала журналисту А. Дунаевскому:

Проснулась от шума. Неизвестные люди потрошили чемоданы. Вскоре Гая увезли на машине. Я тут же ночью пешком отправилась в Минск. Там мне всё «разъяснили»: «Ваш муж — враг народа»...

Гай давно уже жил в тревоге и сомнениях. Он остро переживал ликвидацию Общества старых большевиков, в котором состоял, необъяснимую опалу истинного ленинца Авеля Енукидзе, аресты боевых товарищей — командиров бывшей Железной дивизии. Своих сомнений ни от кого не скрывал. И доноски нашлись...

В Москве Наталия Яковлевна обратилась за помощью к старому революционеру Петру Алексеевичу Кобозеву, который был на «ты» с «кремлёвским горцем». Сталин через помощника передал Кобозеву: «НКВД разберётся». Конечно, никакой «Группы Гая» никогда не существовало. И суда над ним не было.

Всё решило Особое совещание. Гаю дали большой срок и отправили в ярославскую тюрьму «Коровники». Но он туда не доехал...

В записках заслуженного работника культуры РСФСР, бывшего директора Переславль-Залесского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника Константина Ивановича Иванова, завещанных им музею, так рассказывается об этом событии.¹

Я видел Гая в год его трагической гибели... Стояла дождливая осень. Как-то утром, приехав на станцию Берендеево, я увидел большое скопление автомашин, красноармейцев и командиров с петлицами войск НКВД. Всюду сновали начальники со «шпалами» и «ромбами».

Мне сказали, что ночью совершил побег с поезда какой-то военный, крупный государственный преступник. А кто — не знали... Красноармейцы прочёсывали местность по обеим сторонам железнодорожного полотна в сторону станций Рязанцево и Балакирево. То и дело сновали в дрезине большие начальники.

Берендеевское почтовое отделение превратилось в специальный штаб по поимке государственного преступника. Здесь я и услышал имя — Гай. В окрестных селениях распространялись фотографии Гая для его опознания и выдачи властям.

Выяснилось, что после приговора Особого совещания Гая везли из Москвы в Ярославль. Недалеко от станции Берендеево железная дорога делает большой поворот, огибая расположенную на горе деревню Милославку. Поезд здесь снижает скорость. Этим и воспользовался Гай. Кто-то, видимо, подсказал ему это.

Ночью, выйдя в туалет, Гай выбил стекло в раме и выпрыгнул на ходу поезда. Впоследствии цель побега он объяснил так: вернуться в Москву и во что бы то ни стало найти правду!

Гай сильно ушиб левую ногу. Идти не мог. Отполз в сторону села Давыдова и зарылся в стог сена (пальто осталось в поезде). Тогда шли сутками дожди. И вокруг стога образовались глубокие лужи. Служебные собаки не взяли след. Прошло 2—3 дня...

И вот гляжу, народ на перроне станции Берендеево внимательно всматривается в сторону деревни Милославки. В середине дня оттуда показалась дрезина. В дрезине в окружении крупных начальников — Гай. Его взяли под руки с обеих сторон и осторожно спустили с дрезины. Я стоял рядом и всё наблюдал. Гай был без фуражки, лицо смуглое, волосы чёрные, всклокоченные. На нём был свитер коричневого цвета, такие же брюки, жёлтые полуботинки...

Мне показалось, что он как-то виновато улыбнулся. Но и некоторые начальники, видимо, сочувственно относились к нему.

Гая усадили в крытую легковую машину, по обеим сторонам сели самые высокие начальники. Машина выехала на Переславское шоссе. За нею двинулись остальные. Так Гая Гай, легендарный герой гражданской войны, «железный начдив» совершил последнюю в жизни поездку в Москву через древний Переславль в подземелье Лубянской площади.

За побег Гая не судили. Его решили отправить в ту же ярославскую тюрьму «Коровники» и на тот же срок. Но он не смирился. Не мог поверить в несправедливость. Надеялся. «Дайте мне самое опасное поручение, пошлите меня в самые опасные места, где бы я мог ещё раз доказать свою преданность партии». В самом низу странички с этими отчаянными строчками приписка — «В камере темно, да и слёзы мешают писать...» Видимо, он перестал надеяться, когда узнал о расстреле Тухачевского и его соратников. Шёл к концу страшный палаческий год — 1937-й. В начале декабря Наталье Яковлевне разрешили первое и последнее свидание с мужем. Гай не обнадеживал жену, просил поцеловать от его имени дочь и передать ей, что отец уйдёт из жизни таким же чистым, каким и жил.

11 декабря 1937 года «дело» Гая пересматривалось при закрытых дверях. Без обвиняемого и свидетелей. На другой день «железного» Гая не стало...

¹Воспоминания Константина Ивановича Иванова на 2005 год остаются неопубликованными. Недоступность этой информации выгодна переславскому Музею. — *Ред.*